

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ИЗЛОЖЕНИИ “КАЗАНСКОГО ЛЕТОПИСЦА”

А. С. Дягилев

Уральский государственный университет им. А. М. Горького

Памятник нач. 60-х гг. XVI в., дошедший в многочисленных списках, привлекает внимание исследователей со времён становления отечественной исторической науки. Произошло это благодаря содержанию в его тексте уникальных подробностей, в частности, о событиях вокруг образования Казанского ханства. В научную литературу прочно вошли сведения летописца о времени основания ханства и перевороте в Казани при восшествии на престол хана Махмудека. Между тем “Казанская история” (далее: КИ) давно уже подверглась критике за сообщение явно недостоверных фактов. К такому выводу исследователей привела проверка КИ через источники XV - нач. XVI вв., т.е. близкие по времени создания к описываемым в них событиям. Характеристика памятника как “одного из самых мутных источников” (С. М. Соловьев) стала общеизвестной. Попытки выборочного привлечения информации из КИ рядом учёных (К. В. Базилиевич, В. В. Каргалов и др.), которая не находила подтверждения в других источниках, в конечном счёте были отвергнуты¹. В настоящее время встала проблема дальнейшего использования летописца в научных исследованиях. Наша работа посвящена анализу его сообщений по истории московско-казанских отношений на их начальном этапе в кон. 30-х – 40-е гг. XV в.

Рассказ об основании Казанского ханства автор КИ начинает с описания событий 1437 г.: изгнания хана Улуг-Мухаммада из степей Сев. Причерноморья и попытки остатков его орды обосноваться на зимовку в г. Белёва в верховьях р. Оки. Предшествующие исследователи памятника указывали на использование его составителем ряда летописей кон. XV- сер. XVI вв.² Если данное наблюдение верно, следовало выявить расхождения и дать им оценку. В описании событий 1437 г. в КИ такими добавлениями являются:

- а) выделение вел. кн. Василием “Белёвских мест” в кочевьице Улуг-Мухаммаду;
- б) указание на невзимание даней и оброков в течение 10-летнего правления последнего;
- в) “горький совет” бояр Василию изгнать хана из Белёва;
- г) содержание обещаний уступок со стороны Улуг-Мухаммада³.

Первые два сообщения вызывают определенные сомнения. Маловероятно “испомещение” моск. князем хана и его орды на территории одного из верховских княжеств, входивших в тот период в состав Вел. княж. Литовского. Указание о прекращении выплаты дани в годы правления Улуг-Мухаммада несколько противоречит данным московских летописных сводов 70-х гг. XV в. в статьях за 1431 – 1432 гг.⁴ Введение в текст КИ этого сообщения скорее преследует цель гиперболизировать “неправду” и “неблагодарность” Василия II и его воевод, отражая назидательный характер общей идеи рассказов летописей кон. XV – сер. XVI вв. о причинах неудачи русской рати под Белёвом 5 дек. 1437 г. Вину за нее автор КИ возлагает также на “некоих ближних советников” вел. князя, давших “горький совет” последнему изгнать своего бывшего сюзерена. Это во многом напоминает известную критику ближнего окружения Ивана III в ходе “стояния на Угре”. Хотя в соответствующем месте КИ данного эпизода нет, аналогия могла быть вызвана политическими взглядами автора летописца, его негативным отношением к фаворитизму. Ряд уникальных подробностей есть в рассказе об уступках Улуг-Мухаммада. Хан называл себя, согласно КИ, братом Василия II и обещал дать “рукописание за печатми златыми”, где обязывался за себя, детей и внуков не собирать на Руси дань и оброки, не воевать Московскую землю. Всё это означало возможность формального признания независимости Москвы от Орды, закрепленную в договоре. В летописях кон. XV – сер. XVI вв. упомянуты лишь отказ от сбора дани и согласие на выдачу “в заклад” царевича Махмудека⁵. Привлекает внимание оговорка в КИ о “детях и внуках”, которым хан обязывался приказать “норовити” вел. князю и его “детям”⁶. Если учесть, что относительное равновесие между Москвой и Казанью было достигнуто в кон. 60-х гг. XV в.⁷, т. е. во времена правления сына Василия Тёмного Ивана III и внука Улуг-Мухаммада Ибрагима, данное сообщение могло быть неслучайным.

Далее в КИ следуют уникальные известия о переходе орды из Белёва в Среднее Поволжье, последующем набеге на Москву в 1439 г. и перевороте в Казани после 7-летнего правления Улуг-Мухаммада⁸. Хотя в историографии распространено мнение, что время основания ханства – кон. 1437 – нач. 1438 гг., правомернее датировать его 1439 г., т. е. не до, а после набега на Москву. Автор КИ руководствовался преданиями, поэтому в соответствии с 7-летним сроком в них говорил о гибели хана до лета 1445 г., что явно противоречит современным летописям, по которым смену власти в Казани можно отнести к 1446 г.

После сообщения о бое под Суздаlem в 1445 г. в КИ следует явно ошибочное известие о 14-месячном пребывании Василия II казанском плену. Однако заслуживают внимания сведения о характере сложившихся в этот период отношений зависимости вел. князей (“царям... присягали и дани давали”) от казанских ханов⁹.

¹ Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 168–173, 189.

² Моисеева Г. Н. Казанская история: Вступительная статья // Казанская история. М.; Л., 1954. С.13.

³ Казанская история... С. 50–51.

⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 249; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 188; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 103.

⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 24; Т. 25. С. 260; Т. 26. С. 193; Т. 27. С. 106; М., 1963. Т. 28. С. 102.

⁶ Казанская история... С.51.

⁷ Назаров В. Д. Свержение ордынского ига на Руси. М.: Знание, 1983. С.31.

⁸ Казанская история... С. 52–53.

⁹ Там же. С. 89–90.